

Яна
Яжмина

ОТЛОЖЕННОЕ
ВЗРОСЛЕНИЕ

Про/За. Бунт за право быть собой

Яна Яжмина

Отложенное взросление

«РИПОЛ Классик»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Яжмина Я.

Отложенное взросление / Я. Яжмина — «РИПОЛ Классик»,
2026 — (Про/За. Бунт за право быть собой)

ISBN 978-5-386-15591-9

«Отложенное взросление» – фантастическая антиутопия об альтернативном Советском Союзе XXI века. В этом мире судьба граждан определяется беспощадным рейтингом, а государством управляет искусственный интеллект «ИИльич». Взросление здесь официально затянута: юноши и девушки годами живут в закрытых «резиденциях», а возраст совершеннолетия стабильно повышается. Главная героиня, Кира Самохвалова, с детства приучена к гонке за первенство. Но когда система ставит ей подножку, девушка начинает опасную игру... За фасадом социалистического прогресса и лозунгами о светлом настоящем скрываются тотальная слежка, дефицит и сегрегация. Кира оказывается перед выбором: смирение или бунт, но даже не догадывается о том, что ждет впереди... Эта история о мире, где стать взрослым – привилегия. И достается она не каждому.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-15591-9

© Яжмина Я., 2026
© РИПОЛ Классик, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Яна Яжмина
Отложенное взросление

История СССР 1964–2015 – дайджест

Серия «Про/За. Бунт за право быть собой»

Молодость

© Яжмина Я. А., 2026

© Издание и оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026
Молодость ©

Глава 1

– Может, хоть в этот раз будешь второй? – усмехнулась Марина, завязывая шнурки.

– Второй, кто тебя обгонит, – фыркнула я, и мы с Женькой переглянулись.

– Эй, мыши, уже готовы целовать землю?

Алика. Тяжелая артиллерия нашего класса. Возмутительно, что ее допустили к соревнованиям. Для таких особей с интеллектом табуретки придумана детская площадка. Ах да, Алика – моя соседка по парте. И только благодаря выдающемуся боковому зрению она здесь.

– Ну, девочки!

– К новым мировым рекордам!

– Слава советскому спорту!

С характерным щелчком открылись три железные банки протеинового коктейля. У Маринки есть деньги, у Жени – знакомства, чтобы заказать редкие биодобавки. А у меня – верные подруги.

По громкой связи объявили:

– 2001 год рождения. Все, кто закончил разминку, приглашаются к старту.

Сегодня последний этап сдачи нормативов ГТО: бег на выносливость. Мальчишки уже преодолели пять километров и возвращались в раздевалки. Я бы пробежала с ними, но, оче-

видно, правила придуманы мужчинами, которые боятся проиграть женщинам. Мы бежим отдельно и всего три километра.

Жаль, что я не вышла раньше, перед забегом путь по стеклянному коридору полон опасностей. Особенно рядом с мужской раздевалкой! Наши парни незаменимы для оборонной промышленности: превращать кроссовки в химическое оружие – их призвание. Всюду экраны, предварительный рейтинг девочек уже высветился. Я первая. Алика вторая. Маринка четвертая. Женя где-то на второй странице. Любуюсь своим именем. А скоро цифры рядом станут еще значительнее. Я сдам бег. Получу значок. И, наконец, отправлюсь в резиденцию для подростков. Остался последний шанс попасть туда досрочно, со стипендией, на личной машине, а не скопом со всеми остальными в конце года. Это по праву мое место.

– Заучка кверху ручка! – раздалось в мою сторону.

– Задира из сортира! – ответила я.

Стандартное приветствие с Мишей из параллельного.

Марка досрочно отправили в резиденцию в середине десятого класса, с тех пор у меня в городе защитников не осталось. Марк, он хороший. Мы из одного двора, дружим семьями. Сказал своим, что, когда вернется, сыграем свадьбу. Наивный. Хотя мне приятно.

«Миша из параллельного», хоть и дружил с Марком, против толпы был бессилен. Поэтому мы придумали друг другу оскорбления, которые нам не кажутся обидными. Миша дымил в туалете, а я... А я разве что из штанов не выпрыгивала, чтобы набрать баллы. Кстати, на нынешнем забеге Марк всё-таки будет со мной рядом. Тетя Аня отдала мне старые кроссовки сына, мои порвались неделей раньше. Эти сваливаются, но не страшно.

– Кира, ты лучшая! – прошептал Миша, и с этими мыслями я вышла на арену. Вот моя дорожка, где изучен каждый пиксель, каждая всплывающая под ногами анимация. Со всех сторон экраны с теми же списками, что и в коридорах. Я – первая.

Старт. Свисток. Глубокий вдох. Девчонки уже сорвались с места, но у меня своя тактика: дать слабинку, а потом разогнаться. Папа надрессировал брать дистанцию в двадцать пять кругов, а здесь нужно неполных восемь. Я способна бежать со скоростью света, даже когда силы на исходе.

– Галоши не воняют? – Алика обогнала меня на целый круг.

– Отстань!

К этому моменту я набрала скорость. Марина пока третья. Женя в хвосте, ей надо сдать на бронзу.

Главное – правильно дышать, приземляться на носок, не наклоняться вперед. Я готова финишировать.

– Женя, поднажми! – крикнула я, поравнявшись с ней.

Пары секунд хватило, чтобы заметить: у Жени красные щеки, дыхание давно сбилось, а вместо ответа лишь виноватая улыбка.

Оставалось два круга, передо мной четверо.

Сперва я обогнала девочку, с которой мы ходили на танцы, потом Марину и кого-то еще. Впереди замаячила Алика. Ой, уже нет. Ура! Я мельком взглянула на трибуну: мама читала книгу, а папа спокойно наблюдал мой триумф. Он столько лет тренировал меня, что удивить его результатами я даже не надеялась. Когда выиграю, купим пирожное.

– Кира! Смотри!

Истошный вопль Алики вынудил меня обернуться, стопа подкосилась, и я рухнула, словно тряпичная кукла.

– Смотри! Кира! Смотри, как я побеждаю! – раздалось уже где-то вдали.

Мое имя на экране переместилось в конец списка, уступая заветные баллы другим.

В глазах потемнело, а когда я пришла в себя и попыталась встать, меня буквально вдавил в землю кто-то со спины. Передо мной возникла испуганная Женя.

– Замри, хуже будет! У меня мама врач!

Ошалело озираясь, я пыталась понять, что произошло. Женя развязала мне шнурки, и кроссовок буквально слетел прочь.

– Сорок второй размер? Ты о чем думала, когда это надевала?!

– О победе, – выдохнула я.

Из-за резкой остановки ее лицо стало ярче флага. Женю удивило, почему я хохочу до хрипа, истошно, чужеродно. Нога болела до звезд в глазах, но ситуация и вид Женьки вызвали очередной приступ смеха. Успокоившись, я начала искать глазами папу. Конечно, ушел. Кажется, вся трибуна уставилась на меня. И только мама продолжала читать книгу.

Санитары переложили меня на носилки, Женя поплелась рядом. Вдали раздался радостный визг. Кто-то из девочек добежал. И это не я.

* * *

Я нажала на «стоп» и снова перемотала к началу. Такой вот способ успокоиться.

Мама всегда говорила, наше поколение самое счастливое. Мы – первые, кто может честным трудом заслужить право работать по достойной профессии. И я тружусь. Нашей семье необходимо выбраться из нищеты, и сделать это могу только я. Нет, мы не самые бедные. И даже со своей однокомнатной квартирой, которую нам выделили после реновации. Она похожа на предыдущую, но без трещин по стенам. Изначально это были нормальные постройки, но кому-то приспичило копать второй уровень метрополитена. Класс комфорт, видите ли! Спуск на лифте, ультраразгон поездов, тьфу. С обещанной скоростью только дома покосились. Так мы и покинули нашу сталинку. Некоторые соседи переезжали «с косметичкой», но мы перевезли всё нажитое добро, до последней чайной пары. Это и понятно, откуда взять деньги на новые вещи и мебель? Маленькая кухня, санузел и комната – вот и всё, чем богаты.

– Кила, из попить тут только вода!

– Никит, мне там компот передавали...

– Ну Кила!

– Неси уже что-нибудь! Когда я встану, первое, что сделаю, – научу тебя заваривать чай.

Брат вернулся с двумя стаканами: воду отдал мне, а стакан с компотом оставил.

– Так, и?

– Поделжишь, пока я к себе навелх залазию?

Ясно. Никита явно не собирался делиться. Мама взяла дополнительную смену, и Никитку оставили на мне, раз уж я дома. Вот он наглел, наживаясь на моей слабости. Я бы давно навалаляла этому четырехлетке, но тогда он и воду не будет приносить.

– Кила! Быстро!

Я покорно отдала на его ярус стакан моего же компота. Хоть бы не разлил! Одно хорошо, в самых важных моментах он слушался. Например, не нарушал правила дома. По лестнице к родителям ему подниматься запрещено, но, если бы это сейчас взбрело ему в голову, я бы не смогла встать и помешать.

В старом доме мы жили в комнате вместе, но в этой квартире – два уровня. На основном: сервант, шкаф-стенка, гладильная доска, раскладной стол-книжка, папино кресло и наша с братом двухъярусная кровать. У стены – крутая лестница на верхний «этаж». Высотой он чуть больше метра: там матрас родителей и книжная полка. Зато в комнате целых четыре узких высоких окна: тридцать сантиметров от пола и столько же до потолка. В общем, типичная гагаринка.

– Кила, давай поиграем?

– Ты получил компот?

– Да.

- Свободен.
- А вечелом?
- А вечером поиграем.

Кровать зашаталась, это брат повернулся к стенке. Будет заниматься тем же, чем я всё детство, – обводить пальцем настенный ковер.

Есть и хорошее в этом товарище. Никита никогда не трогал меня, если я включала старые кинозаписи. Он заучил их наизусть, как и я. Он знал, на какой кассете его мультфильмы. Но еще лучше знал, что будет, если забрать у меня пульт.

Я машинально нащупала кнопку воспроизведения.

Пересматривать на видеоманителе тот день стало моей привычкой. Мне нравилось видеть себя такой воодушевленной. Еще бы, после многолетнего ожидания этот день был сродни принятию в космонавты. Еще чуть-чуть, и к звездам, думала я. Еще полдня, и все будут любоваться моими достижениями. Одна заветная аккредитация, и начнется новая жизнь в гонке за признание. Но на деле это были последние минуты, когда я романтизировала то, что теперь называется рейтинг.

Вот появилась картинка. Трясущимися руками я включаю видеокамеру у входа в милицию и начинаю запись.

«Привет, мам. Привет, пап. Привет, Кира, которая будет пересматривать это видео. И тебе привет, братишка. Теперь-то ты знаешь, у тебя есть сестра. Сейчас девять утра, нас скоро запустят. Кое-кто, да-да, это я про вас, вы в кадре, в общем, эти счастливичики приехали на родительских машинах. Так что я в середине очереди. Надеюсь, успею до обеда».

Дальше пауза. Пленка осталась всего одна, и на нее нельзя было записывать много.

«Паспорт! Вот он! Мой! А это зачетная книжка! Потом расскажу, побежала».

На втором видео кадр вообще не выстроен. Надо было успеть в Дом творчества до закрытия.

В следующем эпизоде я уже дома. Мама наливала чайный гриб на старой кухне, папа снимал, а лепет Никиты раздавался из комнаты. Он был увлечен какой-то погремушкой.

«Наконец, тебе четырнадцать, – обращался ко мне отец. Я улыбалась, глядя мимо объектива, на него. – С этого дня будем работать на твой рейтинг. Если честно, я огорчен, что первый штамп с секции рисования. – А потом улыбка пропала с лица, и я покраснела. – Но, надеюсь, дальше ты порадуешь нас с мамой спортивными заслугами. Ну, давай, покажи, что тебе дали, где там страницы для будущих рекордов?»

Ненавижу этот момент. А следующий обожаю. Тут я уже успокоилась и даже снова воодушевилась.

«Вот, смотрите, тут надо приложить палец, и загорится экран. Имя вот, возраст, регистрационный номер. Аватар еще не загрузился, обещали, что завтра (слышны вздохи родителей). А вот это – металлическая рамка, которая будет защищать зачетку от повреждений».

Мама с интересом разглядывала артефакт, но как только взяла его из моих рук – экран устройства погас. Она тут же протянула документ мне назад и отстранилась, словно от проказы

какой-то. Папа ухмыльнулся, но трогать не стал. Им столько предстоит освоить в двадцать первом веке!

«А тут вот, смотрите, печать поставили...»

Я протянула зачетку к камере, но папа уже прекратил съемку. Следующий кадр с тренировки. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Пульт был наготове, чтобы как можно скорее выключить кассету. Дальше будет много хроник из зала и со стадиона. Но мне не хотелось думать о спорте, вспоминать свой недавний провал. И я снова перемотала жизнь к ступеням отделения милиции, когда мой успех еще ни в чем не измерялся.

С того дня прошло почти четыре года: на страницах всюду просвечивали печати и записи гелевой ручкой, сенсор местами был расцарапан. Позор! Я даже полиролью натирала, всё без толку. Неужели, кидая зачетку в кучу к остальным, комиссия не отдавала себе отчет, что это моя визитная карточка, моя путевка в жизнь! Какова ее судьба после того злополучного забега? Лежать, брошенной в ящик, на стадионе? Пылиться на полке санитарной части? А может, ее затоптала Алика и забрала домой как трофей?

Я смотрела запись снова, снова, снова. Стемнело. Брат давно спустился на мою кровать, родители вернулись с работы, мне принесли ужин: модифицированный картофель с витамином D и повышенным содержанием белка. Обменяла пульт от магнитолы на тарелку. Либо есть, либо смотреть кассету.

Начался обычный вечер. Папа раскачивался в кресле и делал вид, что слушает встроенный в стену приемник. Мама готовила суп на неделю, а Никита синим фломастером рисовал на моем гипсе солнышко, деревянный домик и нашу семью, держащуюся за руки. У него не было других фломастеров. Да и этот оставлял еле заметный след. Но Никита настойчиво слюнявил грифель, отчего язык становился синим. Мне было стыдно, что я не могла купить брату новые фломастеры.

- Кира, прекрати на меня смотреть, книжку возьми, с братом поиграй, – ворчал папа.
 - Да, с блатом поиграй.
 - Никит, я тебя сейчас выгоню.
 - Не выгонись, я не долисовал!
- Невыносимо!

В прошлый раз я видела отца с таким каменным лицом, когда его понизили в должности на работе. С каждым годом становилось всё больше тех, кто потерпел бедствие из-за новых способностей Владимира ИИльича – искусственного интеллекта, нашего правителя.

- Эта электронная скотина обучается быстрее людей! – кричал тогда папа.
- Глобальное потепление приносит меньше проблем, чем он! – причитала мама.
- Простите меня, – шептала маленькая я, видя разъяренных родителей, но они не слышали.

В прошлый раз я была невиновна, папу подвела любимая работа. А вот теперь его настроение точно на моей совести, теперь его подвела (любимая) дочь. Я, боясь встретиться с ним взглядом, уткнулась в учебник.

Слова слились в серое вязкое полотно. На самом деле я и не смотрела на текст, куда интереснее была открытка между страниц. Марк прислал. Но кто бы мне разрешил просто так на нее глазеть. А вот в учебнике... С одной стороны красовалась главная площадь резиденции, где он сейчас учится. А может, и не этой, они все выглядят одинаково: «типовая застройка». Вокруг площади, на первой линии, здания в три-пять этажей. Марк подписал каждое из них от руки: библиотека, учебный корпус, спортивный комплекс, наукоград. Дом культуры видно

сразу. Кажется, просто скопировали наш Дом творчества и вставили туда. Тоже с белыми колоннами и треугольным фронтоном. И лишь в центре площади то, что вызывало неподдельное любопытство: автомат с газированной водой. Вот интересно, она на самом деле шипит? Хорошо, что эта мысль меня немного отвлекла.

«Скоро увидимся!» – написано с обратной стороны.

– Очень на это надеюсь, – вслух ответила я, и Никита от неожиданности перестал на мне рисовать.

* * *

– А что врачи?

– Сказали оставаться дома «не меньше месяца».

Вздыхнув в телефонную трубку, я вставила палец в провод-спираль. Тот, кто придумал не требовать плату за стационарные телефоны, – лучший лекарь души моей!

– Жень, они и белого медведя на зиму спать уложат! Этим врачам лишь бы ограничить меня в чем-нибудь! На носу подписание документов.

– Ты действительно думаешь, что к субботе накрутишь столько баллов?

– Накручу я только себя, и то после твоих поддерживающих уточнений. Нормально. У меня нет выбора.

И это правда. Забег на длинную дистанцию мы сдали в первый учебный день после новогодних каникул. Но итоговую таблицу сводят лишь к середине января. В эту субботу нас соберут на церемонию, чтобы назначить ученика и ученицу, которые отправятся в резиденцию досрочно. Оценивать будут по трем критериям: спорт, знания и творчество. Если что-то одно проседает, нужно отличиться во всем остальном. До злосчастного забега сомнений в моей кандидатуре не было. Меня не просто так травили в школе.

– Алика там, конечно, уже отмечает отъезд. И заняла всю парту, говорит, ты ей легким взмахом ноги обеспечила и резиденцию, и улучшенное содержание.

– Не дождется! Вот вернусь и задвину ее по всем фронтам. А ребята как?

– После того случая, разумеется, поддержат кого угодно.

– Да уж. Так меня никто не подставлял.

Еще в сентябре нам выслали положение об отборе. Среди документов с требованиями, таблицами оценки результатов и прочих условностей был типовой договор. И в нем уже было вписано мое имя! Документ почти сразу удалили, но несколько человек видели. И не оставили меня без внимания нашего дружного коллектива.

– Мама обещала, что в выходные привезет с работы костыли.

– Неделя домашнего ареста?! Жень! Какое плохое зло я тебе сделала?

– Я понимаю. Но давай начистоту. Если бы тот парень в резиденции не сломал ногу, прыгая с одного балкона на другой...

– Пытался получить баллы за глупость?

– Предвидел, что тебе понадобятся его костыли. А вообще, если тебя не устраивает, у мамы есть несписанная инвалидная коляска. Она свободна сейчас, хоть завтра катайся в школу.

– Классно придумала! Я непременно со своего третьего этажа прогуляюсь на ней во двор. Но только один раз. Из окна. Что там с первым вариантом? Я согласна ждать.

– Я знала, что ты сделаешь правильный выбор. Ему гипс в пятницу снимут – эстафетные палки твои. Или можешь попробовать быстрее решить этот вопрос силами нашей больницы...

– Ха, если я сейчас займу очередь, они приедут как раз к моей переработке, разве что.

– Ну не скажи, там они вполне оперативны. У меня соседка померла на той неделе, так родственники всего через три дня получили машину, чтобы отвезти ее в биокрематорий. Им

даже хватило одного охлаждающего пакета, чтобы сохранить тело до приезда специалистов. Правда, зима, они на балкон вынесли ее.

– Ужас какой. Неужели это нормально? Не, я весной обычно простужаюсь, и, как показывает опыт, на апрельскую выдачу витаминов лучше записаться в декабре.

– А как же физиотерапия? Мне вот мама...

– Жень, иногда мне кажется, мы живем на разных планетах.

Вот уже второй день папа помогал мне добираться до ванной, ела я в кровати, училась тоже. Женя приносила домашние задания. Мама кормила овсянкой, тертой морковью и бульоном на кости. Мясо мы себе позволить не могли, а от модифицированной картошки меня уже тошнило.

– Не уезжай, пожалуйста. – Из-за горы учебников показался Никита и осторожно залез на кровать. – Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Ну ты чего?! У вас появятся деньги. Ты помнишь, какой стол накрыли дядя Леша и тетя Аня, когда Марк уехал? У его сестренки Маши теперь даже бытовой компьютер есть.

– Мне не нужен компьютер, мне ты нужна.

Почему так сложно объяснить младшему брату, что я не хочу тут оставаться? В девятом классе досрочно уехали первые два счастливица, в десятом еще два, а Марк, будучи в одиннадцатом, запрыгнул в последний вагон. И вот у меня последний шанс опередить свой класс, заехать раньше, получить прибавку к рейтингу. Закрыв глаза, я представила, как мы сдадим летние экзамены, нас посадят в тесный автобус и вывезут из города. Вот коридор общежития, второй этаж для избранных с отдельными квартирами. Тех, кто получил похвальную грамоту. А мы где-нибудь под крышей, в комнатах по шесть, а может, даже восемь человек. На лестнице надпись, почерк Алики, и нетрудно догадаться, кто адресат. «Качай ноги, неудачница». Нет, я должна взять себя в руки. Во всех смыслах.

Папа убрал с полки фотокарточки, где мы тренируемся на стадионе, обнимаемся во время лыжной прогулки в лесу, спрятал в альбом печатную версию газетной статьи о том, как мы бежим вместе полумарафон: он на дистанции, а я сбоку.

В дверь позвонили.

– Да, Марина, заходи, конечно.

– Здравсте, тетя Наташа.

– Вот, тапочки снизу, синие. Может, кушать хочешь?

– Спасибо, я не...

– Пожалуйста. А может...

– Не надо.

– Как дела, Мариночка?

– А можно я к Кире?

Звуки гостеприимства редко раздавались из коридора. Но бывали исключения. Пока я переворачивалась, Марина уже взяла себе стул и устроилась рядом.

– Сюрприз! Это тебе!

Если бы я могла вскочить и подкинуть ее в воздух от радости, я бы непременно это сделала. Чаще всего, когда мы общались, я забывала, что моя подруга – «золотой ребенок». Одежда, обувь, водитель... Это всё такие мелочи! В жизни она такая же обычная, как Женя. И еще, сколько бы ее отец ни оплачивал дополнительные занятия, какой бы навороченной экипировкой ни баловал, я всегда была лучше. К счастью, это не мешало нам дружить. И в этот раз я снова убедилась: Марина настоящий товарищ.

– Костыли! Откуда?

– Папа купил.

– Но...

– Понимаешь, твое падение, так обидно! Алика поступила низко. Меня это взбесило, и я рванула изо всех сил. Это единственный норматив, который я сдала успешнее всех. И самый зрелищный. Отец теперь мной гордится. Нет, слушай, я сразу ему сказала, что это ты помогала мне на тренировках и что ты прибежала бы первой. Но результаты не обманешь. В общем, это благодарность за мою победу.

У меня пересохло в горле. Раз она первая, значит, серебряный значок у нее в кармане. В рейтинговой системе баллы не купить, иначе бы Марина уехала еще в девятом классе. Но какие-то вложения отца ей существенно облегчили жизнь. А что, если... Стоп! У меня все нормативы, кроме бега, сданы на золото. И теперь ее отец вложил в меня. Мы квиты. Всё честно.

– Спасибо тебе, подруга.

– Ты же знаешь, деньги не проблема.

– А у тебя есть ненужные фломастеры? – спохватилась я.

– Сколько пачек?

Ну хоть так.

– Знаешь, Кир, есть еще новость. Эта громила прибежала второй, и, если пересдаст гибкость, у нее тоже будет серебро.

– Хоть бы она не разогнулась!

Справедливость, если ты есть, пусть Алика провалит это испытание. Надо уточнить: Алика Алиева – первая по алфавиту и первая по мерзости. Учиться с ней в одном классе – сущее наказание. А делить с ней парту – просто беда. Она занимала почти всю скамью, она списывала все контрольные, она отвлекала! Постоянно! И наказывали обеих. Да и в целом наши оценки отличались лишь ответами у доски. Алика Алиева – главный конкурент за место под солнцем.

Маринка увидела, как белеют мои сжатые кулаки.

– Давай ты попробуешь встать? Так, тут вроде бы регулировка по росту, смотри...

Я видела в фильмах, как люди пользуются костылями. А вот вживую ни разу. У нас не принято болеть. Это стыдно, позорно. Советский человек двадцать первого века – совершенная машина, кладезь здоровья и знаний. И вот теперь я могла похвастаться только вторым.

– Кто придумал эти устройства для пыток и без того травмированных людей?

– Неужели! В этом мире есть навык, которым ты не обладаешь?

– Ненадолго! – Я пошатнулась.

Когда Маринка ушла, я еще несколько часов тренировалась. В школе в любом случае будут смеяться. Но пусть поводом будут сами костыли, а не моя неуклюжесть.

Утром Женя встретила меня у дома и предложила помощь.

– Вот это мозоли! – изумилась она, забирая мой портфель.

– Да, держать себя в руках оказалось больше, чем я думала.

– А что насчет машины?

– Я отказалась.

Марина предлагала заехать за мной, но она живет на другом конце города, в элитном квартале. Это слишком. Я не инвалид.

– Заучка на палочках! Вот это канapé!

– Когда забег пересдавать будешь?

– Такие амбиции, что ноги не выдержали!

Эти и другие уникальные замечания преследовали меня всю неделю. Раньше я бы не спала ночами от мыслей, как ответить на издевки. А теперь пусть хоть ядом брызжут, лишь бы

не мешали. Баллы за ГТО еще не выставили, и таблица на экранах высвечивала прошлогодние. Всё еще первая. И должна там остаться.

Знания и творчество начинали проставлять с четырнадцати лет, и эти цифры никуда не исчезали, только росли. А вот спорт каждый год обнулялся. Да, физическую форму нужно подтверждать заново.

* * *

– Я не хочу больше тренироваться! – кричала я на всю кухню, когда мне было тринадцать. Тело стремительно росло, и ловкость, наработанная годами, исчезала с каждым сантиметром роста, с каждым килограммом веса. Организм тратил все силы на развитие, ему было не до нагрузок.

– Ты будешь тренироваться, Кира. Ты мне еще спасибо скажешь! – кричал отец.

– Спасибо! Всё? Я сказала! Теперь оставишь меня в покое?

Я запиралась в ванной и плакала. Больше уединиться было негде. Нет, можно, конечно, пойти за поддержкой к маме на кухню. Но зачем? Она предпочитала в такие моменты оставаться безучастной, а я не смела вовлекать ее в наши с отцом баталии. Тем более в ее положении...

– Дочь, давай обсудим? – однажды донеслось из-за двери, когда я в очередной раз заперлась.

– Дай мне пять минут, пожалуйста. – Так странно. Папа раньше не предлагал мне разговор.

Мы сели за кухонный стол, друг напротив друга. Казалось, еще миг и на клеенке появятся шахматы.

– Смотри, я всё зарисовал. – Отец положил передо мной идеально расчерченную таблицу. Эх, даже не нарды! – Ты будешь получать рейтинг со следующего года. Подсчеты ведет Владимир ИИльич, его не обманешь и не купишь. Второе нам на руку.

– А первое?

– А первое мы обойдем.

– Пап, не надо. Мне не нужны проблемы.

– Для того, что ты назвала проблемами, умные люди придумали слово «стратегия».

– Зачем этот разговор? Я уже готовлюсь сдать экзамен по живописи, и в школе у меня всё хорошо.

– В том-то и дело – хорошо. А теперь смотри: за золотой знак отличия дают сразу десять тысяч баллов. А за идеальный аттестат – шесть. Чувствуешь разницу? – Отец положил передо мной список выпускников за предыдущий год. – Видишь девочку в середине списка? У нее самый большой балл за знания, абсолютная отличница. А вот девочка на седьмом месте, творческая до жути, цифры зашкаливают, школьный балл неплох, за соревнования тоже есть начисления... А теперь смотри на остальных в топ-десять.

Я пробежалась по списку и удивленно уставилась на отца. Все, кроме этих двух девочек, имели абсолютно никакие баллы за учебу и культуру. Но спорт – серебро и золото ГТО.

– Пап, а почему они попали в десятку?

– Такие дела.

– Если я получу золото, то пройду на досрочное зачисление?

– Да.

– Значит, мне нужно успешно пройти соревнования в девятом классе? И всё?

– Тебе нужно успешно проходить все соревнования. Проиграешь однажды, будешь проигрывать всегда.

– А учеба?

– Учись как можешь.

Папа еще долго рисовал мне какие-то схемы, считал варианты, убеждая, что без ГТО в рейтинг не попасть. Я не особо слушала. Уже поняла: советский ребенок должен быть в первую очередь спортивным, чтобы получить стипендию. Папа нашел лазейку. И я никому не имела права проболтаться.

После того разговора тренировок стало неприлично много. Те навыки, которым отец не мог меня научить (например, стрельба), я отрабатывала в спортивной школе. Но там не было задачи растить чемпионов. Ко всем относились одинаково: никаких дополнительных нагрузок, отработок, штрафных кругов. В девятом классе я взяла золото, но не только я. Оказалось, схема отца несовершенна, баллы за учебу и творчество всё же нужны. А в прошлом году – не хватило именно практики. Я настреляла себе жалкое серебро. За него дали девять тысяч. А взяла бы бронзу – вообще восемь. Этот год должен был стать снова золотым.

* * *

– Ну как? Погоди, схожу за компотом. Тебе взять поесть?

Я сидела в столовой, сверяясь, ко всем ли учителям сегодня «прискакала».

– Так, Марин. Я вписалась в девять проектных групп. За каждый готовый проект дадут десять баллов.

– Зачем тебе девяносто баллов?

– Хорошо бы сто.

– Так, пожалуй, я возьму десерт. Сейчас ты мне всё расскажешь.

Женька умчалась на репетицию, и мы обедали вдвоем. Наконец в одиннадцатом классе можно перестать отмалчиваться и смело обсуждать стратегию с подругами. В любом случае нормативы уже сданы, им не обогнать меня. Да, было бы правильно поделиться расчетами раньше, но место же всего одно! И, в конце концов, можно будет, когда они приедут в резиденцию, собираться в моей комнате. Разве это не благородно?

– Смотри, Марин. – Пока ее не было, я воссоздала на упаковочной бумаге, которую мы использовали вместо скатерти, табличку, что рисовал мне папа. – Старые баллы за ГТО сгорят. Впишут новые. В этом году я сдала на золото пять испытаний из шести. Значит, мне начислят около восьми тысяч баллов. Если Алика получит девять, она обгонит меня на восемьдесят баллов. На третьем месте Надя Миронова...

– Но Надя вроде не сдавала...

– О, даже так?

– Я думала, ты следишь за результатами.

– Ну, я во время забега была слегка занята. Так сказать, решила уделить время себе.

– А, ну да.

– Тогда тем более, пусть в классе она самая умная и творческая. Когда проставят баллы, даже ты ее обгонишь со своим серебром.

– Даже?!

– Ну, Марин, у меня семнадцать тысяч баллов, а у тебя тринадцать. Без обид.

– Так, говоришь, нужен еще один доклад? Как ты относишься ко взаимопомощи?

И Марина отвела меня в кабинет труда, где готовились к выставке одежды, сшитой на уроках. Пришлось изрядно поломать голову, как добавить в списки ученицу, которая не попадает ниткой в иголку. Меня пристроили моделью на примерки. На костылях недопустимо участвовать в показе, но одна из девочек-модельеров – один в один я. Оба зайца убиты: примерить можно и на меня, а выступать на подиуме будет она.

– Марина, ты лучшая!

– Нет, Кира, лучшая ты. И мы всем это докажем.

Казалось бы, дальше нужно всего лишь подготовить свою часть доклада в каждой из девяти групп, а после уроков полчаса проводить на примерке. Победа была в моем кармане. В дырявом кармане.

То ли наш разговор в столовой кто-то подслушал, то ли одноклассники не совсем дураки. Мое внезапное появление сразу в девяти группах заметили.

– Знаешь, Кира, у меня голова болит. Напиши обе части доклада, пожалуйста. Мне эти десять баллов не особо нужны.

– Чемпионка, а давай-ка ты тогда сама всё сделаешь? Тебе больше всех надо.

– Как думаешь, если мы все откажемся от этого опыта, кому хуже будет? У нас еще полгода есть. И у тебя еще полгода будет, да?

На меня свалился непосильный объем задач.

– Девочки! – рыдала я в трубку. – Я сдаюсь. Я не могу больше!

– Сдаются только анализы! Без паники, всё будет хорошо, – утешала Женька.

– Да как? Не будет хорошо! Я не успею!

Всё бывает впервые. Впервые упала на забеге. Впервые ввязалась в девять докладов. И впервые проспала. Всю ночь провела на нервах и проснулась лишь от стука в дверь. На пороге стояла Марина.

– Бегом в машину! Я сказала, что ты у врача и что ко второму уроку будешь. Давай, ну!

Пока Марина собирала мне портфель, Женя суежилась в школе. Водитель довез нас вовремя. К началу второго урока я влетела в класс. А там, на парте, уже лежала распечатка: во всех проектных группах, куда я вписалась, добавилось по две фамилии: Павлова Евгения и Ястребова Марина.

Я не одна. Кажется, я разгадала секрет успеха победителей: поддержка.

Неделя оказалась напряженной. До самой темноты мы пропадали в библиотеке, и с утра, за час до уроков, возвращались туда снова.

Моя соседка по парте вела себя подозрительно тихо. Я пыталась понять, как прошла ее пересдача, но лишний раз с ней заговорить не решалась.

Подведение итогов поставили последним уроком. А первый, урок литературы, отменили. Нам разрешили в это время делать домашнее задание. Можно было не напрягаться, всё равно это мой заключительный день в школе. Но безделье тянулось слишком долго, да и привычка делать то, что от меня хотят, взяла верх. Я закончила конспект по истории и как раз открыла ШУК, чтобы спросить в чате, что было на политологии, которую я в начале недели успешно проспала. Телефоны были у всех, но довольно примитивные. Домашним бытовым компьютером (ДБК) обладали лишь избранные. Потому мы с девочками и ходили в библиотеку. У Марины, конечно, был свой, но до нее далеко добираться. Слышала, в резиденциях с техникой проще. А нам выдавали школьные раскладные компьютеры, для учебы. У нас была последняя модель – ШУК–19. Домой их забирать нельзя, но на уроках мы познаём прекрасный мир интернета и чатов без учителей.

– Ребята, что нам за... – начала печатать я.

– В коридоре спортивные результаты вывешивают! – опередил мое сообщение Герман, сидящий за первой партой третьего ряда, как раз рядом с аркой в рекреацию.

– И? – Я тут же стерла вопрос.

Мне необходимо увидеть эти списки!

- Можно выйти?
- Только быстро, – буркнул замещающий учитель, не поднимая глаз.
- Ага, быстро! – зашептались ребята, и по классу пробежал хохот.

Ладони вспотели. Злосчастные костыли снова выскользнули из рук. Подняла. Шаг, второй. Сейчас нужно обойти цветок так, чтобы не задеть. Ага, вот. В конце коридора вот-вот покажется заветный стенд. «В здоровом теле – здоровый дух». И здоровое зрение, видимо. Все остальные надписи напечатаны бледно-серым шрифтом. Да уж, можно было еще мельче, чтоб наверняка! Но ладно. Пусть хоть ни единого листа больше не повесят! Главное сейчас – увидеть знакомое имя на первом месте. И я его увидела. Абсолютный победитель среди девочек – Ястребова Марина. Вторая позиция у Нади Мироновой. Оказывается, она в тот день бежала и даже получила бронзу. Классно быть незаметной зубрилой. А я... А мы... С Аликой? Поровну? Ну прекрасно, мы разделили десятое место! Я прибавила сто баллов к знаниям, а она, судя по цифрам, усилила творчество. Жаль, шансов не было никаких. У каждой за спорт ноль баллов.

Дура! Дура! Дура! Чем я читала положение?! Как можно было упустить, что за отдельные испытания баллы не дают?! Начислила себе восемь тысяч, ну конечно!

Если бы не уроки, я бы заорала во весь голос. От злости и накопившейся усталости, от безысходности. От обиды.

Марина. Ястребова Марина. Вот оно как получилось. Я так сильно сжала костыли, что они закричали. Костыли, которые Марина мне великодушно купила.

Ну вот и сработала папина спортивная тактика. Серебряный призер на первом месте, бронзовый – на втором. А мы, немощные, в хвосте.

Нет, было бы лучше, если б победила Надя. Да кто угодно. Но не Марина. Сколько баллов у них разрыв? Семьдесят. Семьдесят! Вот и наши доклады пригодились.

Это что получается, всю неделю я провела без сна, чтобы победила моя подруга, которая вообще никуда не собиралась?! Ну, молодец, Кира. Идеально.

В класс я вернулась только к концу урока. Под глазами от слез распухли мешки. Сердце колотилось так, словно я – Женя на этом гадском забеге.

– А я уж думала, ты уехала в свою резиденцию! – не удержалась Алика.

– Заткнись, неудачница. Я видела рейтинг.

И тут уже она, никого не спросив, выскочила из класса. Оказывается, мы похожи не только оценками. Прочитать положение внимательно не удосужилась ни одна из нас.

На церемонию нас собрали в актовом зале Дома творчества.

– За отличные успехи в учебе, спорте и творчестве в резиденцию для молодежи досрочно отправятся Жуков Максим и Ястребова Марина. Ребята, вы хотите что-нибудь сказать?

– Огромное спасибо, это большая честь.

– Да, спасибо большое, – присоединился Максим.

В зале раздались аплодисменты, а затем мы встали на гимн.

«Слався, Отечество наше свободное...», да-да. Свободное! От рабочих мест, от справедливой реакции на подлость одноклассников. И еще вот это «...нас к торжеству коммунизма ведет». Ой, к гадалке не ходи, торжествовал в этом зале явно не коммунизм. И не я.

Надо было не разрыдаться, как-то отвлечься от этих мыслей. Я убедила себя, что стратегически важно именно в эту минуту проверить экран под ногами на предмет западающих пикселей. Во время гимна это особенно удобно: пол однотонный, красный. Почему Владимир ИИльич не сгенерировал новый текст? Раз такой умный. Что-нибудь про то, что в борьбе за

рейтинг враги используют запрещенные схемы, а друзья ставят подножки даже тем, кто на костылях. Красный цвет был бы в тему.

На выходе мы столкнулись с Мариной.

– Ну, поздравляю, молодец ты.

– Спасибо. Прости. Я правда не ожидала, что так получится. Кто мог подумать, что такая маленькая разница... Ты так меня выручила докладами!

– Разница, говоришь?

– Ну да, – ухмыльнулась она.

– Мне вот никакой разницы. И никакого дела нет до того, как ты это провернула!

– Прости. Я же не специально...

– Почему ты не отказалась от поездки? Сказала бы, что хочешь остаться и что передаешь свое место мне. Ты же знаешь, как мне нужно оказаться в резиденции!

Повисла неловкая пауза. Марина помрачнела.

– А ты? Ты хоть что-нибудь обо мне знаешь? – вдруг закричала она. – Ты вообще в курсе, сколько денег папа вложил в мою подготовку?

– Только я всё равно была лучше.

– Я не виновата, что ты упала!

– Я тоже!

– А знаешь, в чем я еще не виновата?

– Ну, удиви!

– Пожалуйста! Я не виновата, что родилась в богатой семье. Что не вижу родителей неделями. Что с нами сидит гувернантка. Что, приезжая, отец спрашивает о моих успехах и каждый раз огорчается. Что мама стыдится обсуждать меня в кругу своих престижных подруг. Конечно, их дети поступили досрочно еще в девятом классе! Куда мне! Я не виновата, что каждый вечер, засыпая, мечтаю вырваться отсюда. Начать строить свою жизнь без папиных денег и указов. А еще знаешь что? Ты хоть раз подумала о том, как ко мне будут относиться, если я, из элитного квартала, буду жить в общей комнате? Здесь меня не трогают, папа следит за этим. А там? Угадаешь, сколько человек захочет наконец отомстить за все эти годы? Знаешь, как стыдно в метель подъезжать к школьному крыльцу, когда все вокруг идут пешком: намокшие, лохматые, уставшие? Как неловко приносить задания, сделанные на домашнем компьютере? Ты не знаешь, каково это – в начале каждого года под осуждающие взгляды дарить учителям огромные букеты. А форма по размеру? Отглаженная, из прачечной. Ты подумала, о том, как мне всё это аукнется, если я не заеду туда заранее и не заручусь поддержкой старших? Ну конечно! Конечно нет. Ты ни разу об этом не думала.

– Марина, я...

– Увидимся в резиденции, дорогуша.

Марина села в машину. Водитель отвезет ее домой. Она соберет вещи. А уже завтра будет стоять на таможне с документами. Возможно, увидится с Марком. Сейчас уже и не верится, что на ее месте могла быть я.

Нет, я никогда не была на ее месте.

Глава 2

– Ну что, вот вы с отцом и добегались.

Мама.

– Я говорила тебе, учись нормально. Хоть кому-нибудь из вашего класса баллы за оценки аннулировали? То-то. Умные с папой самые, спорт, видите ли.

– Наташ, ну вот сама бы и занималась дочерью.

– Я вам не мешаю?!

– Мешаешь, – хором отозвались родители.

У Марины завтра появится своя комната. Точнее, своя жизнь. Комната у нее и здесь есть. Даже три: кабинет, спальня и гардеробная. Мне бы хватило собственной кладовки. Спряталась бы и жила там, хоть стоя. Мне стыдно, что папа с мамой ссорятся из-за меня.

Я вышла на лестничную клетку, между первым и вторым этажами щелкнула зажигалка, словно приглашая составить компанию.

– Миш, делись.

Вот чем мне нравился Миша, так это тем, что он не задавал лишних вопросов. Посмотрит внимательно, словно всё понял, и придвинет консервную банку на середину подоконника.

В мире давно появились электронные аналоги, но есть в этом ритуале какая-то эстетика. Возвращаться в квартиру совершенно не хотелось. А на улицу нас бы не пустили.

– Я слышал, комендантский час обещают отменить.

– И фонтан с газировкой поставить. Ты всем изречениям Константы веришь?

– Тише ты.

Константа – это наш руководитель. Никто не знал, как ее зовут на самом деле. Она заступила в должность в первые месяцы нового, двадцать первого века. Точнее, не совсем она. Было стратегически важно начать столетие дорогим сердцу обращением «Товарищи!». Поэтому в нашем Союзе появились сразу два прораба. Шутили даже, что теперь коммунизм будет построен в два раза быстрее. Единственное, что нам положено было знать – именно Константа была причастна к созданию Искусственного Вождя. 20 января Владимир ИИльич сдал тестирование и доказал, что дословно воспроизводит идеологию своего прототипа. И 21-го числа, в день, когда весь СССР оплакивал утрату лидера, его электронная реинкарнация заговорила из всех рупоров, громкоговорителей, телевизоров и утюгов.

По всем экранам, радиоточкам и даже голографическим газетам показывали церемонию ее назначения. Официально Союзом правил Владимир ИИльич, принимая все важные решения. Но без телесной оболочки государство не объездишь. Поэтому за сбор информации, за публичные обращения к народу и за генерацию приказов отвечала эта таинственная женщина.

– Если Константа и разрешит нам по ночам покидать место прописки, то только для того, чтобы вместо сна посещать тренировки и обучение.

– Ха, придумашь тоже! – фыркнул Миша и сделал последнюю затяжку.

Никита уже спал, папа закрылся в туалете, а мама суежилась на кухне. Я пробралась в комнату, как можно тише сложила костыли и накрылась одеялом.

Утром на подушке лежала открытка, Никита нарисовал, используя все цвета фломастеров, кроме синего. Он всегда просыпается раньше. Помню, когда я была маленькая, тоже вставала с первыми лучами солнца.

– Я так лад, что ты осталась с нами! Это ведь здорово! Так замечательно!

– Ешь давай, в садик опоздаешь, – не выдержала мама.

– И я рада, что проведу еще полгода с тобой, – не совсем обманув, ответила я.

В мае Никите будет пять.

– Когда я пойду в школу, ты будешь уже в лезиденции, – продолжил тот, кто сейчас получит.

– Кому сказала, ешь молча.

– А когда ты станешь взлослой...

– Никита!

Если учесть, что сейчас ребята становятся совершеннолетними в 27 лет, а в 2020-м и в 2025-м на День конституции к возрасту совершеннолетия добавят еще год, то вернусь я, когда мне исполнится двадцать девять. Какой это будет год? 2030-й. Никита будет уже в девятом классе. Эх, а первое повышение возраста я даже помню. 2005 год. Как же лютовали подростки, которым продлили детство сразу на семь лет, повысив совершеннолетие до 25! Вот такое 25 января было... Ощущение, что возраст как раз с календаря и списали. И ничего, пережили. И я справлюсь. Разлука с братом, конечно, грустно. Но чем дольше я буду в резиденции, тем большему можно там научиться!

– Кира, какой пример ты подаешь Никите? Ешь!

* * *

– Что тебе подарить?

– Жень, ну.

– Я не отстану.

– Подари мне совместное путешествие в светлое будущее через полгода.

– Раньше тебя я точно туда не попаду, в отличие от нашей подружки.

Женя не будет жаловаться, но, по ее словам, заметно: она не в восторге, что Марина нас бросила. Про мой отъезд мы говорили каждую нашу встречу. Вернее, я говорила. А к тому, что уедет Марина, Женя явно не была готова. Мало того, они уже придумали парные платья на выпускной бал. Тетя Вера, мама Жени, обещала достать девочкам путевки в летний санаторий, а папа Марины – оплатить. Увы. Теперь ни планов, ни денег, ни Марины.

– Ты будешь собирать кого-то на день рождения?

– Знаешь, нет. Миша теперь точно не придет, сторониться будет.

– Его задирают за общение с тобой?

– А ты думала! Мало того, драться ему нельзя, последнее предупреждение было. Комсомол не резиновый. А если только ты в гостях будешь, родители не постесняются нам праздник испортить.

– Тоже верно.

Женьку, конечно, тоже травили. Но она вела себя так, словно ее это не касалось. Раньше мы всегда были троим. Три мушкетера, три богатыря. Три подруги, которые друг за друга горой: Женя, Марина и я. Теперь нас двое. Или быть вместе, или в полном одиночестве. Ладно, признаюсь. Марина меня всегда немного раздражала, но Женя как-то сглаживала эти углы. И было хорошо. А сейчас я начала скучать без ее выходок. Кажется, я общалась с Мариной не только ради Женьки. Вот бы отмотать всё, как на кассете, назад. И подружиться заново.

Во всем этом кошмаре всё-таки был один весомый плюс: плохо не только мне.

На следующий день после церемонии, когда я вошла в класс, Алика неподвижно сидела за партой, на самом краешке. Весь день она молчала, смотрела в окно, будто снегопад ее интересовал куда больше, чем всё остальное. Она даже не скидывала мои вещи на переменах. То, за что мы враждовали почти четыре года, ускользнуло из-под носа. Теперь там нечего делить.

– Жень, она за день ни слова в тетрадь не записала! – Теперь никаких докладов, так что мы уходили засветло.

– Может, она вернется домой и там все классные работы сделает?

– Сомневаюсь.

– Ну так тоже нельзя.

И тут я задумалась. А почему нельзя? Что будет, если перестать делать школьные задания? Не будут начислять баллы? И? В любом случае досрочно в резиденцию не попасть. А там, говорят, совсем другие цифры дают за учебу. Тут я буду делать доклад за десять баллов, а там за сто.

– Кир, ты чего?

– А, да так. – Мы прошли мимо Женькиного дома, и я с тоской заглянула в окна ее квартиры. Свет не горел.

Я всё еще возилась с костылями, так что Женя помогала мне нести портфель. Поменяться бы хоть на время с Женей местами. Вернуться из школы домой, а там никого. Но у меня свой уклад.

Мама, как и всегда, смотрела в комнате выступление Константы, разложив газету на столе. Из коридора виделись синеватые вспышки света.

– Когда уже научатся печатать цветные голограммы? Двадцать первый век на дворе! И опять синий, у них тоже нет других фломастеров? – проворчала я себе под нос и привычно отправилась на кухню.

Я настроилась сегодня не притрагиваться к урокам. Да уж. Мой бунт закончился, не начавшись. Сгубила скука. Делать дома нечего, совсем нечего. Еще и комната занята, видео

не посмотреть. И газета занята. И радио одновременно с газетой не включишь. А начинать разговор... Мама сделала вид, что не заметила моего прихода. Ладно. Через несколько часов ей идти за братом, и я наконец останусь дома одна.

И я даже знала, чем займусь.

В спортзал ходить мне не разрешали, но руки и спину тренировать я могла и дома. Мама была бы в ярости, увидев мои тренировки. Папа бы оценил. Но в итоге они бы ссорились еще сильнее. Хорошо, что на время родители забыли о дочери.

* * *

В нашей семье не принято дарить подарки на день рождения. Обычно мы собирались за столом, на котором непременно было любимое блюдо именинника. Когда-то у Марины в гостях я попробовала фруктовый салат и теперь всегда его загадывала. Никита предпочитал пирожные из ГУМа. Мы покупали самое большое и делили на всех. Папа заказывал мясо, но не всегда получалось его раздобыть. В последние несколько лет пришлось довольствоваться колбасой, которую тоже просто так не купишь. А мама грезил икрой. Если ее и покупали, то настолько мало, что ела только она. Папа неумело врал, что однажды попробовал и ему не понравилось. Никита до таких деликатесов еще не дорос. А я отмахивалась, в резиденции наемся этой вашей икры.

Тем временем жизнь менялась. Алика перестала у меня списывать. Я тоже уделяла школе меньше времени. Самые приятные минуты проходили в столовой, за порцией компота. Иногда доставались социальные талоны на питание, и мы делили порцию модифицированной запеканки пополам. Жить без соревнований, без постоянной гонки за рейтинг оказалось намного проще. Но дни тянулись монотонно. Пока не наступил тот самый «фруктовый» день. Мое восемнадцатилетие.

К несчастью, двадцать шестое января выпало на субботу, и мне пришлось отпрашиваться из дома в библиотеку, чтобы увидеться с Женей.

– Добро пожаловать в клуб ретросовершеннолетних, – встретила меня на светофоре подруга.

– Поверить не могу, что раньше ребятам нашего возраста уже можно было работать, жить отдельно и даже заводить детей просто так, без квоты.

– Ты уже чувствуешь себя взрослой? – поинтересовалась Женя.

Ей исполнится восемнадцать только в сентябре. По-хорошему она могла бы учиться на класс младше, но тетя Вера подсуетила: в наш год вела набор лучшая учительница начальной школы.

– Надеюсь, еще не скоро почувствую.

– А я вот неделями одна живу. Мама всё чаще остается на ночных дежурствах, а днем, даже если приезжает домой, я в школе. Так что, считай, я полноценная ячейка общества.

– Завидую.

– Давай в резиденции попробуем заселиться в одну комнату?

– Не обсуждается, мы обязательно поселимся вместе.

Мы неловко обнялись, но скоростной трамвай остановился прямо перед нами, и пришлось отскочить, чтобы нас не снес поток выходящих из него людей.

На случай если родители проверят журнал посещения, мы действительно были в библиотеке, но вместо учебы решили засесть в трехмерном каталоге. Мне нравилась эта комната. Маленькая, человека на три-четыре. Мягкие пуфики, на стенах, на полу и на потолке экраны, и в программе можно выбрать любую окружающую действительность: хоть джунгли, хоть поверхность Луны, хоть старинную деревню. Кто-то из научного кружка принес и устано-

вил имитацию главной площади резиденции. Вот там мы и проводили время, представляя, как однажды эти виды обретут еще и запахи, а вокруг будут проходить знакомые ребята.

* * *

Жене нравился Миша. Может, еще и по этой причине она провожала меня до дома. Когда мы поднимались, он снова сидел между первым и вторым этажами в горьковатом дыму. Я тактично оставила Женьку налаживать отношения и устремилась наверх, навстречу фруктовому салату.

– Кила, на мне сегодня тоже лисовать можно! – гордо встретил меня Никита. Его правая кисть была замотана бинтом.

– Пап, что случилось?

– Да мелочи, неудачно подтянулся на турнике.

– Мама видела?

– Что я должна была увидеть? – За моей спиной на лестничной клетке разгорался настоящий вулкан. Пакеты глухо приземлились на бетонный пол. Если бы так продукты поставила я...

– Дорогая, это спорт, ты же понимаешь.

– Ничего я не понимаю! – Боевые действия плавно переместились в квартиру, и это был настоящий поединок!

– Без поражений не будет побед.

– То есть травма Киры тебя ничему не научила? Одного ребенка сгубил, за второго взялся! Ты со своими тренировками совсем сдурел. Сидел бы уже, слушал радио. Нет, раз выходной, надо кого-то в зал тащить! Не одного ребенка, так другого. Никита, сыночек, мое солнышко, так хорошо рисует. Он, может, художником станет или вот в науку пойдет. А ты его с малых лет ломать начал.

– Ах, ломать!

– А как еще назвать! Вот дочь твоя где теперь? А занималась бы учебой, два года бы уже в резиденции жила на стипендию. А мы на премию. Никита больше никогда не появится в спортивном зале, кроме как на физкультуре. Ты понял меня?

– Ну и пожалуйста. Ну и расти из него неженку. Вот Кира... – Папа перевел глаза на меня и замолчал.

Пока родители воспалялись, я заглянула на кухню в надежде увидеть свое любимое блюдо. На столе лежало пирожное. Может, конечно, фрукты на рынок в этот раз не завезли, но скорее похоже на то, что мама решила порадовать другого ребенка. Пока я собиралась с силами, чтобы не вспылить, и думала, как изобразить благодарность, из коридора раздалось то, что обожгло сильнее пирожного. И то, что безо всякой видеокамеры надолго врежется в память. Говорила мама. «Кира была первая, была лучшая, а теперь вообще никому не сдалась». Иногда я слышала в свой адрес нечто подобное, но Марина меня всегда успокаивала. В ее семье звучали и более грубые выражения. Я знала, что однажды не сдержусь, но не ожидала, что это случится в мой день рождения.

На ватных ногах я вышла к родителям. Слова прозвучали вполголоса, с каким-то каменным спокойствием, но я вложила в них все, что накопилось.

– Не сдалась? Ты права. Я еще не сдалась. В отличие от вас. И день рождения встречу там, где меня поддерживают.

Допрыгав до первого этажа, я стянула Женьку с подоконника и на глазах удивленного Миши потащила за собой. Едва мы вышли на улицу, я объявила:

– Сегодня ночью у тебя.

– Быстро же ты повзрослела.

– Мне помогли.

Как я раньше не догадалась устроить нам мини-резиденцию! Мы бы могли ночевать у Марины, к ней точно не зашла бы никакая проверка. Но у Жени тоже было уютно. Тетя Вера часто привозила что-то с работы. Списанную мебель, продукты, которые у нас не достать. Но меня поразило другое – в их доме хранилась повседневная форма резидентов. Мало того, они просто ходили в ней по квартире! Я и не знала, что белая футболка и шорты до колена могут так дорого смотреться. Может, дело в ткани. У Жени было несколько комплектов, и она поделилась на ночь со мной.

- Почему ты не рассказывала, что у тебя такое сокровище?
- Нельзя, это ведь незаконно.
- Ха, получается, мы сейчас нарушаем закон дважды: за хранение и за ношение.
- Трижды. Находиться в квартире без взрослого тоже нельзя.
- Огонь.

Мы основательно подготовились к наступлению темноты: квартира располагалась на первом этаже, нас могли увидеть. Так что пришлось тщательно занавесить шторы. Мне было страшно, и Женя с пониманием вышла на улицу, чтобы убедиться: нас не видно.

Приемник в выходные транслировал задорную музыку, которая пришлась кстати. Ох, натанцевались. Точнее, Женька танцевала, а я ерзала. Куда мне, с костылями. В моей семье не принято вести себя шумно. Сиди учись, а если всё сделал – смотри трансляцию в газете, рисуй, да хоть книгу пиши. Я старалась вечерами не отсвечивать. Делала вид, что устала, и проводила по несколько часов, отвернувшись к стенке. Можно было разглядывать узоры на ковре и мечтать о том, как хорошо будет в резиденции.

- Голодная?
- А есть?
- В этом плане не бедствуем. Так, греча с сосисками, макароны с тушенкой, печеночная котлета, фруктовый...
- Салат? – перебила я.
- Ну да. Есть еще фруктовое варенье, но к нему надо хлеба купить.
- Это мой лучший день рождения!

Пока я переодевалась, «стол» был готов. Но меня ждало еще одно открытие. Я никогда не пробовала ужинать в комнате! Мне даже в голову не приходило, что так можно. А ведь, правда, на полу, вытянув ноги, так хорошо и удобно. Женя развалилась на подушках и начала подпевать распутной песне из динамика. Я подхватила.

- Кира, ты, оказывается, петь умеешь?
- Не умею.
- Я слышала.
- Подумаешь, попала в пару нот. Все так могут.
- Не все!
- Ты не жалеешь, что из-за меня лишилась баллов за ГТО?
- Не перескакивай.
- Но мне интересно.
- Не жалею. Мне всё равно не хватило бы на досрочный отъезд, а к следующему году опять сдавать придется. Там и отыграюсь. Если в резиденции кому-то вообще есть дело до ГТО. Всё? Довольна? Мы можем вернуться к моей теме?

- Что ты от меня хочешь?
- Я хочу, чтобы в понедельник ты пошла со мной в театральную секцию и спела Ольге Николаевне то, что сейчас услышала я.
- Песню о любовных отношениях практикантки с начальником завода?!
- Да что угодно! Нам нужны поющие ребята на постановку. В коллективе не хватает солистов, двое из девятого класса уехали, девочка из десятого – тоже. Ты понимаешь, до чего

дошло, уже нас, реквизиторов, обязали на репетиции ходить. Даже в обед! Вместо того чтобы рисовать декорации, мы из кожи вон лезем, чтобы научиться худо-бедно петь, и постановка состоялась. Ольга Николаевна в отчаянии. Она так переживает, бедная. В ее возрасте! А ты, имея все данные, вообще не думаешь о товарищах.

– Ну, мне есть чем заняться, у меня трени... – И тут я осеклась. Ближайшие несколько месяцев никаких тренировок. На улице, в снегу – не позанимаешься. А в зал после травмы не пустят, пока не получу допуск врачебной комиссии.

– Ага.

– Если я пойду и меня не возьмут, ты отстанешь?

– Тебя возьмут.

Уснуть не получалось. Я не ожидала, что этот разговор так меня взбудоражит. Казалось, что такого, театральная секция. В нее ходит каждый третий ребенок. Ну, может, каждый пятый. Но я всегда обходила эту дверь стороной. Ни одной печати, ни одной роли, ни одной репетиции. Да, мне всегда было любопытно наблюдать, как девочки в платьях из костюмерной проходят по школе, скрываются в актовом зале и потом с веселым смехом бегут обратно переодеваться. Так странно, после спортивной тренировки хочется только в душ. Мышцы болят так, что не до смеха. А они вон полны сил и словно даже бодрее, чем были.

Тем не менее пойти на прослушивание – ответственный шаг. И вроде как, если я специально спою плохо, меня не возьмут. Женя не будет больше поднимать эту тему, и театр в моей жизни не случится. С другой стороны, я не хочу позориться. Я не хочу казаться хуже, чем я есть. Пожалуй, даже наоборот, я всегда стараюсь быть лучше. Решено, я спою.

* * *

– Здравствуй, Кира. Женя рассказала о тебе.

Перевожу глаза на подругу. Когда успела? Мы весь день были вместе.

– Я... ну да.

Передо мной стояла та самая гроза морей. Точнее, нашей школы. Ольга Николаевна была легендой: на показы приходили ее бывшие ученики и смотрели, как теперь выступают уже их дети. Низенькая круглая старушка с черными пушистыми волосами чуть ниже плеч. Ребята так и прозвали ее – Старушка. Когда она о чем-то размышляла, то закручивала волосы в пучок, но, воодушевившись очередной идеей, начинала что-то судорожно показывать, и ничем не закрепленная прическа рассыпалась. Говорили, что она настоящий фанат своего дела. Что ребята репетируют до ночи. Что она может кричать так, что слышно во всем здании. И что не дай бог ее разочаровать. Но при этом еще никто не бросил секцию без веской причины. Ее обожали и боялись.

Откуда я это знаю? Я всегда хотела у нее учиться. Но в моей семье... В общем, есть причины, почему я избегала ее кабинета. Но это не мешало мне интересоваться театральной жизнью. А Женя и другие ребята с радостью делились историями с прогонов.

– У меня не проходит набор учеников одиннадцатых классов.

– Извините. Я не хотела вас беспокоить...

– Чтобы освоить программу, нужно учиться минимум три года.

– Да, я...

– Но у тебя высокий рейтинг, и, думаю, можно сделать исключение, если...

Я замерла. Да, Женя права. Ужас и восторг.

– Спой-ка мне что-нибудь. – И после паузы Ольга Николаевна добавила: – Пожалуйста.

От страха заболел живот. Ладони вспотели, и я спрятала их за спину. Я никогда не пела при посторонних. И как глупо! Надо было подготовить песню! Я же знала, что спросят. О чем я думала! Теперь точно позор обеспечен. Срочно. Хоть что-нибудь.

На стене висели афиши прошлых спектаклей, на той, что напротив меня, был нарисован мужичок, понуро сидящий на скамейке. И я сразу вспомнила дядю Сашу. Он раньше работал автомехаником и был сокращен Владимиром ИИльичом в числе первых. Теперь же подрабатывал прямо во дворе: в его гараже постоянно что-то сверлилось, грохотало и приводилось в надлежащий вид. Нам он по знакомству тоже чинил всевозможные бытовые приборы. А по вечерам к нему заходили мужики с завода. Проходя мимо, можно было расслышать, как открывается скрипучий шкаф, словно шахматы, выставляются граненые стаканы. А спустя пару часов раздаются невнятные мотивы.

– Ой, то не вечер, то не вечер... – затянула я песню из репертуара дяди Саши, которую слышала чаще всего.

То ли воспоминания отвлекли меня от волнения, то ли дядя Саша оказался отличным учителем пения. Едва я закончила первый куплет, раздался вердикт:

– Ты принята.

Глава 3

Я буду заниматься в театральной студии. «В нашей семье никто не будет заниматься театром!» – слышу я в голове причитания мамы. Но разве это справедливо? Почему другим детям можно зарабатывать творческие баллы, а мы – особенные? Хотя какие «мы», во времена моих родителей этой системы еще не было. Я научно-спортивная элита? Творческий инвалид? Я видела, как на листе бумаги с театральным вензелем появлялось мое имя. И почему-то испытывала трепет.

Прошу зачислить Киру Самохвалову на курс театрального мастерства по индивидуальной ускоренной программе и включить в списки на вход в вечернее время. Пакет документов предоставляю.

*С уважением,
О.Н. Терентьева*

– Держи, это отнесешь в администрацию. И запомни, в театре работает команда, я не терплю, если кто-то опаздывает.

Если Ольга Николаевна и была рада, что нашла кого-то поющего в свою команду, то очень хорошо это скрыла. Зашел какой-то мальчик, ее внимание сразу переключилось. Посыпались причитания, охи, вздохи, выклики.

– За что мне это, Паша! Я видела результаты! Нет, я не пушу тебя сегодня на прогон. Нет, не уговаривай даже, свин! Мне нужно, чтобы ты работал, а не списывал домашние задания за кулисами! Да, я всё вижу. Да, глаза на затылке. Да, у меня всюду камеры. И вообще я читаю мысли, Паша. Выучи, пересдай и возвращайся.

Не сводя глаз с Паши, она нащупала мое запястье, прислонила учебный планшет к наручным часам, и на них высветились новые закрашенные ячейки.

– Таймер будет напоминать тебе о репетициях за пятнадцать минут. Паша! Ты еще здесь?!

Пашу сдуло ветром, Женя что-то поняла, кивнула и тоже покинула класс, и лишь тогда Ольга Николаевна наконец повернулась.

– Спасибо, – сказала я, все еще не веря в случившееся.

– Добро пожаловать в нашу семью, милая. Я хочу называть тебя Ласточка, можно?

Я кивнула. На мгновение почудилось, что на меня смотрит бабушка Галя. Ее нет уже одиннадцать лет, и я думала, что совсем забыла ее. Но что-то знакомо теплое проскользнуло в интонации Ольги Николаевны. Интересно, у нее есть внук или внучка? И сколько им? Я могу их знать? Может, это кто-то из моего класса?

Я была готова уйти, но оказалось, разговор не закончен.

– И, ага, да, чуть не забыла! Это дурная формальность, но таковы правила. На первом занятии я выдам тебе листок-согласие, которое должны подписать родители. Без него я не смогу подать тебя в списках на постановку. Решешь этот вопрос? Проблем не будет?

– Да, проблем не будет. До свидания.

– До завтра, Ласточка.

Проблемы будут.

Если честно, хуже и быть не могло. За нашей спиной захлопнулась та самая дверь, которую я с ужасом и нездоровым интересом обходила все эти годы.

– Я же говорила, у тебя все данные! – Женю переполнял восторг, словно ей на сдачу дали юбилейную монету с профилем Владимира Ильича.

– Все, да не все.

– Ты скромничаешь.

– У нас проблема.

– Что? Какая?

– Тетя Ася.

Женя забыла в классе сумку, и нам пришлось вернуться. Пока она проверяла, всё ли на месте, я села за свою парту и запустила ШУК–19.

– Зачем тебе архивные кадры выпускников университета?

– Вот, смотри. Это тетя Ася.

На фотографии с главной площади, где было человек сто, в самом центре первого ряда улыбалась девушка. Растрепанные волосы, закатанные рукава рубашки. С обеих сторон ее обступали мальчики, и многие смотрели явно не на фотографа.

– Какая красивая! – восхитилась Женя.

– И абсолютно повернутая на своем хобби.

– Но почему ты мне ее показываешь? И почему сейчас? Дай угадаю, она занималась театром?

– О да.

– Так хорошо же! Пойдешь по ее стопам...

– Мама говорила, ее интересовали исключительно постановки. Ей доверяли ведущие роли, и она мастерски справлялась. А потом...

Я указала на нижний угол экрана, где стояла дата.

– Погоди, а это не тот год, когда...

– Открыли первые резиденции. Мама рассказывала, что тогда рейтинг еще не ввели, так что выпускники нового столетия сдавали экзамен на профпригодность, к которому многие оказались не готовы.

– А твоя мама?

– Она же старшая сестра, к моменту основания резиденций она была уже на последнем курсе. Сейчас, подожди.

Я искала единственный кадр, где мама попалась фотографу.

– Это так научная лаборатория выглядела?

– Ага, вот мама.

– Такая серьезная!

– Она была отличницей. Правда, ей пришлось бросить учебу. Точнее, она ушла в декретный отпуск, но возвращаться-то стало некуда! Разве что на полный срок в резиденцию идти... Нет, она бы прошла отбор. Но предпочла растить меня. В общем, мама какие-то курсы в единственном оставшемся на тот момент колледже окончила. А тетя Ася, ее сестра, как раз на отборочном туре в резиденцию и провалилась. А дальше, ну, там всё грустно закончилось.

– И где она сейчас?

– В санатории.

– Ох...

– Мама от меня откажется, если узнает, что я записалась в театральную секцию!

– Может, обойдется?

– Ой, не знаю. За всю мою жизнь мы ни разу не навещали тетю Асю.

– У нее были бы такие красивые дети!

– Но...

– В санатории нет квот на рождение детей.

Третий день подряд оставаться у Жени было бы рискованно. Я представляла себе атомную катастрофу, ядерную войну, цунами, наводнение, оползень, пожар, землетрясение. В общем, полный перечень из учебника по НВП.

Но, прислонив карточку к дверям, я обнаружила маму в комнате, спокойно наблюдающую за газетными новостями. Она уже отработала утреннюю смену, переоделась и отдыхала в ожидании нас. Точнее, времени, когда нужно будет забирать Никиту.

Я осторожно прошла на кухню. Налила чай. Достала учебники. Спустя несколько часов в коридоре начались сборы. Закрылась дверь.

– Ну как?

– Спасибо, что позвонила. Неуютно, жуть.

– Тетя Наташа ругалась?

– Ни слова.

– Ну и хорошо.

Было время, когда мама встречала нас – меня, Маринку и Женю – радостными вскриками. Мы наперебой рассказывали, чему научились, а она всё повторяла: «Ну, молодцы, молодцы, девочки! Золотое поколение!» Потом мама забеременела моим братом. Не представляю, чего ей стоило добиться квоты на второго ребенка, если учесть, что из-за рождения меня ей пришлось отчислиться. Никита родился меньше положенного веса, нужно было его постоянно обследовать, выкармливать. И вся мамина любовь переадресовалась туда. А потом мне начали начислять рейтинг. И всё! Из золотого поколения нас сразу же исключили. Женя училась лучше, Марина первые годы тоже преуспевала, занимаясь с репетиторами. Я нагнала и

обогнала их позже, сама. Но все выводы о моих талантах были сделаны, и мое преимущество мама восприняла как затянувшийся возврат долга за все причиненные неудобства.

Кажется, папа догадывался, что будет за ужином, и вернулся пораньше.

– Ну, как отметила? – У отца не было ко мне претензий.

– Спасибо, пап. Было хорошо.

– С мамой виделась уже?

– Можно и так сказать.

– Ты лучше это, не провоцируй ее.

– Ага.

Папа был на моей стороне, насколько это возможно. Готова поспорить, он в выходные выслушал лекцию о том, как загубил мою жизнь. Но он был прав: спорт приносит больше всего баллов. Сегодня отцу бы тоже не помешало вести себя незаметно. Мама успокоится, нужно время. Но кто-то должен был взять на себя вечернюю беседу. И мы негласно решили, что безопаснее, если это будет отец.

– Дорогая, сегодня на работе был такой интересный случай, – начал папа, и минут двадцать рассказывал совсем неинтересную историю о политическом расследовании, всячески пряча детали, которые ему нельзя разглашать.

– Пап, а мы в садике сегодня лисовали.

– Хорошо, сынок.

– Мне дали конфету за самый необычный лисунок.

– Ммм... – Никита еще не разобрался, с кем из родителей на какие темы говорить.

– Лисовали тех, на кого хотим быть похожими, – не унимался брат.

– И кого же ты нарисовал? – вмешалась в разговор мама, потому что на этот раз папа вообще никак не отреагировал.

– Килу.

Бум! Бабах! Пыдыщ! Спасайся, кто может! Внимание: пожарная тревога! Просьба всем покинуть здание.

– Ну почему же Киру? Никита! Сколько раз тебе говорила, у мальчиков должны быть нормальные кумиры. Ну вот скажи мне, кто-нибудь еще рисовал своих сестер или братьев?!

– Нет. Мне потому и дали конфету.

– Я поговорю с твоей воспитательницей. Это не дело.

Мама начала убирать со стола, дав понять, что мы тоже наелись. Я молча ушла в комнату, залезла на нижний ярус нашей с Никитой кровати, занавесила боковую стенку пледом и притворилась спящей. Да уж, не лучшее время рассказывать о моем новом увлечении.

* * *

После шестого урока наши с Женей браслеты впервые одновременно запищали. Мы дошли до студии, но, к моему сожалению, оказалось, что реквизиторы работают в отдельной каморке. Ольга Николаевна с ребятами уже что-то обсуждала.

– О, а вот и Ласточка. Она теперь с нами, попробуем ввести ее в постановку вместо Светы.

– А кто вместо Игоря будет? – уточнил один из мальчишек.

– Дим, ты свою-то строчку две недели учил. Хочешь на место Игоря? Ты мне его три страницы будешь до старости сдавать.

– Своей или вашей?

– Красивый, но тупой. Батюшка Ленин, дай мне сил!

– Да я чего, я просто... Я-то нет, а кто-нибудь точно да.

– Ну и не спрашивай тогда. Не знаю я пока, кто за Игоря.

Оказалось, Света – дочка преподавателя по вокалу и в театральной студии уже два года выполняла функцию солистки, а теперь она в резиденции. Как я поняла, Игорь тоже. Мне коротко рассказали суть сценария: школьникам за выдающиеся достижения разрешают испробовать машину времени, переместившись на один день в любой год. Ребята выбирают 1929 год, чтобы попасть на первый Всесоюзный слет пионеров. «Смена смене идет» – гласит лозунг, и у ребят мечта увидеть тех, с кого всё начиналось. Школьники из 2020 года познакомились с детьми прошлого, узнали, как это чудесно – жить в стране строящегося коммунизма. Их восхищало, что те, кто постарше, застали настоящего Владимира Ильича Ленина, кто-то даже видел его вживую. Так хотелось всё обсудить, расспросить их, рассказать про Владимира ИИльича нашего времени. Но вечером пришло время возвращаться. Пионеры проводили путешественников до машины времени и попросили дать обещание, что после этой встречи ребята еще больше приложат сил к тому, чтобы страна всё-таки дошла до заветной цели – коммунизма.

Света играла девочку-путешественницу, и мне предстояло запомнить некоторое количество текста и две песни.

– Ты всё поняла?

– Да, кажется.

– Постарайся к следующему разу начитать материал настолько, чтобы легко ориентироваться в сюжете.

– А песни?

– Давай так: когда твои родители подпишут заявление, я запрошу часы на индивидуальные репетиции. Так будет проще и быстрее выучить с тобой партию Светы, не отвлекаясь на хор.

Я вздохнула и забрала у Ольги Николаевны лист бумаги.

– Ласточка, что-то не так?

– Да просто дома пока проблемы. Родители ссорятся, будет лучше сообщить им о моих планах чуть позже.

– Сочувствую. Если нужно поддержать...

– То не нужно поддержать, – съязвила я, но тут же пожалела об этом. – Спасибо.

Началась череда «нелегальных» репетиций. Я учила слова, пряча распечатку в учебниках. Мама ругалась с отцом на кухне, а Никита молча рисовал новыми фломастерами в комнате, делая вид, что ничего не слышит. Это я его научила. Женя продолжала встречать меня у дома, но я заметила, что она всё чаще заблаговременно поднималась на площадку между первым и вторым этажами.

Без разрешения родителей сольно репетировать после уроков было нельзя. Жаль, что теперь и в восемнадцать лет приходится зависеть от взрослых. Но время шло, и на моем браслете всё чаще во время большой перемены загоралась синяя лампочка с текстом: «Актный зал, срочно!» И я как могла хромала, чтобы пару раз пропеть заветный мотив:

Милое прошлое машет сквозь годы,

Прадеду клятва дана:

Партия Ленина, сила народа

Будет во все времена!

Не посрамим, перевыполним планы,

Всё ради новых побед!

Локти кусают далекие страны,

Наши наблюдая расцвет.

Меня хвалили. Говорили, что я отлично справляюсь. Но больше всего меня поразило то, что, помимо репетиций, Ольга Николаевна со мной разговаривала. Она видела во мне не только удобную для своих целей хорошистку. У нее тоже есть младший брат, и она убеждала меня, что я не несу за него ответственность, и ворчала, что, если я не прекращу, она переименует меня в Спасительницу. Однажды я обмолвилась о заветной мечте попасть в резиденцию. Она, разумеется, никакие резиденции не застала и даже была их противницей. Но, если я занималась хорошо, мне, словно конфетка, полагалась история о ее молодости. И я с удовольствием слушала. А ребята меня жалели, на общих репетициях мне доставалось больше всех: «Кира, отдохнешь в квартире», – рифмовала она, едва я присяду. «Все на новенького! У нас тут халтура!», или вот это, ее любимое: «С такой фамилией сама себя хвали, я здесь не за этим!»

Но я не обижалась. Наоборот даже. Ко мне было особое отношение. Например, прозвища были не у всех, а мне досталось самое ласковое. Паша – Свин, Дима – Аполлон, Игорь и Света (которые уехали) именовались Ромео и Джульетта. А остальные вроде не удостоились. С каждым днем я всё больше радовалась, что Женя надоумила меня податься в театральную студию. И всё больше жалела, что не сделала этого раньше.

– Ты скоро разрешение принесешь? – нахмурившись, спросила на одном из занятий Ольга Николаевна.

– Папа в командировке. Мама без него не подпишет. Но уже скоро, через неделю точно.

– Знаешь, эти завтраки я уже ела. Принеси разрешение, не подставляй меня под трибунал!

– Я принесу, честное комсомольское.

Беда! Из класса я вылетела пулей и лишь в гардеробе перевела дух. Мне казалось, меня поймали на страшном преступлении и все вокруг вот-вот узнают, что я виновата.

– Жень, я сквозь землю готова провалиться. Я обманываю единственного взрослого, который ко мне хорошо относится.

– Я бы на твоём месте давно провалилась.

– Ну, спасибо!

– А что ты хотела услышать? Если бы я умела обманывать, мне бы не влетело за нашу ночевку.

– Серьезно?! Зачем ты рассказала маме?

– Она спросила, как прошел день. И что мне оставалось?

– Женя...

– Ничего, ладно. Мама сказала, что если я буду ее предупреждать о таких авантюрах, то можно.

– Кажется, тетя Надя будет вторым взрослым, которым я очаруюсь.

– Ее ты тоже будешь обманывать, если начнете общаться?

– Не знаю, Жень, не знаю.

* * *

Долгожданный день. Пожелтевшие экраны на стенах больницы переключали рекламу за рекламой: чудодейственные комплексы прививок, биологических добавок и витаминов, заполнив которые вы навсегда измените жизнь. А вот и пустой аптечный прилавок. Рядом электронная машина с затертыми кнопками. Можно ввести идентификационный номер и встать в очередь за тем или иным благом медицины. Мой путь лежал к регистратуре.

– Здравствуйте, как попасть в хирургическое?

– Сломать ногу. – Не поднимая глаза, сотрудница заполняла очередной бланк.

– Я уже.

– А. Ну тогда вам на четвертый этаж.

– По лестнице?

– Разумеется.

Вспотевшая, злая, но воодушевленная предстоящими переменами, я постучалась в дверь. Пластиковая кушетка поднялась вместе со мной на метр выше. Ну, круто. То есть здесь у них автоматизированный подъемник есть, а между этажами – нет. Врач подготовил инструменты, и ланцетом, словно тесаком, соскреб сначала наскальные рисунки моего брата, а потом ненавистную окаменелость гипса. Я взглянула на то, что осталось от ноги после заточения в тисках отечественной медицины.

– Девушка, что-то не так?

– Мне не нравится.

– Еще бы. Пошевелите, пожалуйста. Ага, а теперь натяните носок. А теперь на себя. Хорошо, ага. Не болит?

На самом деле больно, но я не хочу продлевать гипсовое удовольствие.

– Спасибо, всё отлично. Можно мне идти?

– Иди.

Врач что-то напечатал в базе данных. Едва привстав, я поняла, что вот оно, мое показательное выступление. Моя красная дорожка. Мой пеший забег, где финишной линией станет коридорный порожек. Если сейчас снова рухну – то надолго. Маленькими шагами я захромала к двери.

– До свидания.

Слова, словно дымовая шашка, остались в кабинете за поспешно захлопнувшейся дверью.

На первом этаже в аппарате, похожем на тот, что рядом с аптекой, нужно было ввести свои данные. И из него с глухим жужжанием появился листок. «Кира Самохвалова, 18 лет, травма голеностопного сустава. Лечение: иммобилизация конечности в теч. 90 дней. Ограничение нагрузки до 01.07.2019».

Отлично, полгода без доступа в спортзал. Лучший способ потерять форму. Дома в честь снятого гипса снова будет пирожное. Кажется, такими темпами я скоро привыкну к этой несправедливости.

* * *

– Пришла?

– Пришла.

– Хорошо.

Странно. Никита уже вовсю играл на ковре. Мама безучастно наблюдала за новостным репортажем телегазеты, она явно была не в духе. Даже на кухню не позвала. Освобождение от гипса отметили без меня? Ай, ладно. Значит, доживем обычный день. Неуклюже разувшись, я заметила, что мамина рабочая одежда так и осталась в пакете. Забыла? Устала? Тогда у меня остался шанс получить благосклонность. Не без помощи стиральной машины.

– Не надо, – шепотом остановил меня Никита, когда я уже загрузила вещи в барабан и потянулась под раковину за порошком.

– Почему? – шепотом подыграла я брату. Кто он сегодня? Разведчик, тайный шпион, библиотекарь... масса вариантов.

– Маму уволили.

– Никит, ты шутишь?

Брат виновато молчал. Он еще не в том возрасте, чтобы иметь чувство юмора. Серьезные вещи понимал лучше некоторых взрослых, но смешно ему было лишь про сопли с какашками.

И тут до меня донеслась голографическая сводка новостей из комнаты.

Феноменально! Скачок в научно-техническом прогрессе! Владимир ИИльич освоил сразу три новые специальности. Мы можем отпустить на пенсию еще несколько сотен сотрудников. Слава народным достижениям! Слава науке!

Мама включала новость снова и снова. Заглядываю через дверную щель: на картинке запечатывают служебный вход завода по производству ЭПО (электропроводных ограждений), а на экране над дверью появляется надпись: «Обслуживается искусственным интеллектом».

Я вышла на лестницу и машинально спустилась этажом ниже. Звонок сломан. Нужно стучаться в дверь. Слышу возню. Ключ не попал в замок. Ругань. Ключ упал. Ругань. Ключ застрял в замке. Дверь явно потянули на себя, а она открывается наружу. Лязг цепочки. Наконец, меня обдало этиловым амбре.

- Миша дома?
- Отец, кто там? – слышалось из комнаты.
- Подруга твоя.
- Женя?
- Красиво живем, матрос! Кира.
- Иду.

Мы безрассудно вышли на крыльцо, не особо скрываясь в густой дымовой завесе. Молча. А что говорить? Мишин папа – коллега моей мамы по цеху. Точнее, они были коллегами.

- Миш, как вы теперь?
- Не знаю.

Встречного вопроса не будет. Мой отец пошел служить в правоохранительные органы и, даже если уйдет на пенсию, будет получать выплаты за выслугу лет. Мало, но больше, чем ничего. В семье Миши работать теперь некому. Раньше, когда Никитки еще не было, мама передавала в школу еду на нас двоих: соседский мальчик, растущий без матери, вызывал жалость. Не знаю, что случилось там у них. С рождением второго ребенка в нашей семье деньги на помощь ближним закончились. А Миша к этому времени как раз вымахал, взбунтовался, встал на учет в детской комнате милиции и даже съездил на месяц в исправительную колонию. Там его научили пускать дым колечками, плевать на дальность, открывать механические замки, а самое главное, стоять за себя. Пара афористичных разговоров с отцом, которые слышал весь дом, и новые синяки на Мише больше не появлялись. И вообще, кажется, все претензии были сняты.

Мое отсутствие в квартире всё-таки заметили.

- Домой иди.
- Зачем?
- Еще не хватало тебе с этим преступником в подъезде светиться! Ах, что люди подумают! Была дочка-лапочка, училась хорошо, вела себя прилично, а теперь ноги не держат, оценки скатились, в резиденцию трижды отбор провалила, теперь еще и в плохой компании. Срам-то какой!

– Мам, какой отбор? Одна девочка из класса уехать могла. Нас двадцать осталось. Ты хоть понимаешь, какой конкурс на это место?

- Не понимаю. Кто, если не ты?
- Кто угодно.

– То есть так? Домой деньги нужны, жрать нечего, а ты готова место в резиденции кому угодно отдать. Конечно, нам же премия не нужна, мы же тебя плохо растили, чтобы деньги получать. Мы с папой не для себя их просили добыть, Никиту лечить не на что. А ты не справилась.

– Да, так бывает, – невозмутимо отреагировала я, глядя маме в глаза. Ольга Николаевна, спасибо.

– Знала бы, что такая дочь вырастет!

– И что бы ты сделала?

– Это Миша тебя научил родителям хамить? Марш домой. Стыдно, как стыдно! На весь подъезд родную мать оскорбляет! Ну и дети, ну и поколение.

– Лучшее. Ты говорила, мы лучшие, мам.

Мне пришлось приложить усилия, чтобы не заплакать на этих словах. Но спасибо театральной секции. Нас научили, как вызывать слезы и как эти слезы сдерживать. Первое получалось плохо, а вот безразличие я усвоила. С каменным лицом я вернулась в квартиру, занавесила кровать пледами и уже там, в темноте, дала волю чувствам. Мама ненавидит меня за то, что я провалила досрочное поступление. Вот только имеет ли она право требовать, чтобы я была лучшая? Такого точно нет ни в одном уставе юного коммуниста. Быть лучше себя вчерашнего – это да. А вот лучше всех – это уже не про равенство.

В коридоре тихо закрылась дверь. Пришел отец. У него какие-то проблемы на работе, регулярно задерживается, но ничего не рассказывает. Сегодня я даже рада, что не придется выбираться из укрытия. Все лягут спать. Молча.

* * *

– Кира, соберись!

– Да, извините. Кхм, кхм.

*Не посрамим, перевыполним планы,
Всё ради новых побед!*

Я снова остановилась. Глаза жгло, нос закладывало, ком подступал к горлу. Отвернувшись, я вытерла слезы.

– Да что с тобой сегодня?

– Устала. Простите меня, пожалуйста. Я на следующей перемене обязательно...

До показа остался месяц, но уже завтра прогон в присутствии администрации школы. Будут решать, на какой площадке мы выступим: в местном актовом зале на сто человек или в городском театре. А я...

Я ненавижу этот сценарий. Счастливые дети прошлого требуют от нас невозможного. И даже перед ними мы должны нести ответственность. За себя, за младших братьев, за страну. Какое право они имеют что-то с нас спрашивать? Я просто хочу быть собой, а мама... И тут я понимаю, что дети из сценария вообще ни при чем.

С этими мыслями я обнаружила себя в объятиях Ольги Николаевны. Руки дрожали, а тело бросило в холод. Было странно, что меня обнимают. Я ведь даже не просила. Но спустя несколько минут действительно стало легче.

– Что с тобой, Ласточка?

Я не могла говорить с ней о семье.

– Кажется, я боюсь сцены.

– Ага, понятно.

Интересно, поверила ли она? Или тоже подыгрывала? Ох уж этот театр.

– В первый раз все через это проходят. Не переживай, покажу тебе перед тем, как будешь идти на сцену, несколько упражнений. Чуда не случится, но станет проще.

Почему она не рассердилась? Я ведь могла в любой момент сорвать ей постановку! Видимо, я сказала это вслух.

– Мы одна команда, Кира. И если кому-то нужно, да я кого угодно! Одной левой! Мне бы в юности такие связи, такого учителя, – без скромности добавила она.

Да, Ольга Николаевна не только требует. Я с первого урока поняла: она многое мне дает, играет шахматными фигурами не против меня и не вместо меня (как папа), а на моей стороне. Да, конечно, у нее есть выгода: я нужна этой секции. Петь, а тем более солировать в этом году было некому. Но Ольга Николаевна работала со мной на переменах, хоть ей за это не платили. И за человечность надбавку тоже не придумали. А она не только продолжает быть с нами человеком, но и учит этому нас.

– Разрешение у родителей подписала?

– Да, – снова обманула я.

Не знаю как, но завтра злосчастная бумажка будет лежать в кабинете. И там будет мамина подпись. Я должна. Я обязана. И не потому, что попросили. Потому что это мое решение. И вообще, за моей спиной такие связи! Интересно, какие?

На обратном пути из школы удалось забежать на почтамт. Думала, там посылка какая-то. А выдали всего лишь маленький конвертик. Место ему на прикроватной тумбочке, рядом с ночным светильником.

Мама с Никитой были на кухне. Она стала забирать его из садика раньше. Новую работу найти не получалось, вот и началась возня с мелким. Я не вслушивалась, но некоторые фразы заставили меня насторожиться.

– Я советский гражданин! – почему-то говорила мама.

– Я советский гажданин! – повторял Никита.

– Стимул у меня один!

– Мам, что такое стимул?

– Неважно, повторяй.

– Стимул у меня, эээ, что?

– Один.

– Ну, один.

– Миру пользу принести!

– Милу пользу плинести!

– И себя найти.

– Мам, я устал.

– Учи.

Я не ослышалась? Стихи?

– Мам, вы чего тут?

– У Никиты утренник в саду, не мешай.

– Никита будет выступать?

– Ну да. Тебе какая разница? Ты всё равно в школе в это время.

– Нет, никакой.

Никита жалобно посмотрел на меня, но я не собиралась его спасать. Себя бы спасти.

– Мам, у меня тут в школе одна секция...

– И слышать не хочу.

– Но...

– Отец вернется, поговорим. Надоели вы мне оба со своими секциями. Только на ноги встала и опять за свое? Никита, ты куда полез? Никакого хлеба с маслом, пока не расскажешь. Давай. С начала. Я советский гражданин!

Ясно. Ловить нечего.

Устроившись в комнате, я посвятила время репликам из спектакля, пока мама не видела. Измученный Никита вернулся и спрятался на своей койке. Мама, прогнав меня с кресла,

просмотрела свежие новости, даже те, что неинтересны, убрала газету и вернулась на кухню. Вскоре я услышала, как она зашла в ванную, а через минуту чайник Соловьем-разбойником засвистел на всю квартиру. Добежав, чтобы его выключить, стремительно вернулась назад – не хотелось лишний раз отсвечивать. В коридоре взгляд упал на пустой конверт из-под квитанций, и я вспомнила о письме.

Несколько минут не решаюсь посмотреть, что там. Но внутри ни слова. Лишь фотокарточка, завернутая в лист белоснежной бумаги (мы такую используем только для самых важных документов, остальное на желтоватой, второсортной). В кадре парень и девушка в серой спортивной форме резидентов сидят на скамейке рядом с автоматом газированной воды. В руках граненые стаканы. Ну конечно, разумеется, это они: Марк и Марина. Вместе, что ли? Ну и дела. Я не ревную. Я не ревную, несколько даже. Какая разница, что там происходит? Было предсказуемо, что Марк не дожидется. Я не ревную. Но зачем Марина прислала это? Знает же, чем задеть. Хорошо, что я не ревную.

Интересно, насколько далеко зашли их отношения? Нет, а вот и не интересно даже. Хотя, думаю, максимум целовались пару раз. Прошло всего два месяца с их встречи. А я с Марком знакома всю жизнь. Еще бы, мы выросли вместе. Ну Марина тоже росла, причем одновременно с нами, но нет, в своем элитном дворе. До школы мы с ней даже не виделись. А потом да, в первую же неделю подружились. Только вот Марк на год раньше в школу пошел, еще и в класс «А». А мы с Мариной в «Б». Там и развела нас судьба. И для чьего удобства сделали так, что каждая буква учится в своем корпусе? Ну да, параллельные классы не имеют возможности списать друг у друга. Но, когда встречаемся после школы во дворе, у меня ощущение, что мы из разных вселенных. Разве мы не должны общаться со сверстниками? А вообще нет, я и не ревную даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.